Отдел газетных вырезок
Мосгорсправка НКС
Улица Кирова, 26-6 Тел. 96-79
Вырезка из газеты Известия ВЦИК
Москва 6 1 МАЯ 1936 г.
Газета №
А. А. Горбачева

17

Братья ТУР

У ИСТОЧНИКА МОЛОДОСТИ

Январь у них в волосах, зато май — в сердце.
Гейне.

Среди бессмертных мифов, быть может, всех прекрасней золотая легенда о воскрешенной молодости. Подобно подземному роднику, который то искрится в траве, то пропадает средь камней, то снова возникает в другом конце долины, — журчит и серебрится сладостный этот миф в седых валунах столетий.

В противовес чудесному мифу о старце, превращенном в юношу, буржуазная **действительность** творит страшную быль о юноше, превращенном в старика.

И только в нашей стране впервые в истории сбывается тысячелетняя мечта.

В доме ветеранов революции на Шаболовке живет знаменитый народоволец **Михаил Федорович Фроленко.** Ему восемьдесят семь лет. Во время Парижской коммуны он был уже зрелым человеком.

Крупнейший соратник и личный друг Софьи Перовской, Желябова, Засулич, Фигнер, — он в семидесятых годах прошлого века был организатором дел, выдающихся по своей дерзновенной отваге. С его именем связано знаменитое освобождение Стефановича и других, которых он среди ночи вывел из киевской тюрьмы, куда проник в качестве надзирателя. Он является участником двух покушений на Александра II. За все эти дела Михаил Федорович заплатил самодержавию щедрой ценой. Почти **двадцать пять лет** провел Михаил Федорович в заключении. Двадцать с лишним в Шлиссельбургской крепости и два с половиной года в ужасном Алексеевском равелине.

С чудесной простотой, с юмором, как о чем-то чрезвычайно будничном и обычном, рассказывает нам Михаил Федорович о своем прошлом. Смешливые его глаза в мелком хворосте морщинок лучатся от воспоминаний. Перовскую этот человек в разговоре называет «Соня»!

Но как жестоко ошибется тот, кто полагает, что у этого почти девяностолетнего старца — все в прошлом.

У Михаила Федоровича замечательное, полное забот, настоящее. **Старейший революционер,** он одновременно является одним **из самых молодых членов** коммунистической партии в нашей стране. Несколько месяцев тому назад М. Ф. Фроленко постановлением ЦК ВКП(б) принят в партию.

Перед тем, как подать заявление о вступлении в ВКП(б), товарищ Фроленко долго готовился к этому важнейшему событию в его жизни. Великие процессы коллективизации и рост стахановского движения в особенности повлияли на его решение.

Немалую часть его времени занимают выступления с докладами и воспоминаниями в школах, студенческих аудиториях, на заводах. Мечтает Михаил Федорович написать «Историю революционного движения в России», начиная от Радищева, для какой цели деятельно подготовляет материалы.

— Одним словом, времени не очень хватает, — улыбаясь, говорит товарищ Фроленко.

Восьмидесятисемилетний человек, окруженный заслуженным почетом и предельным вниманием, принадлежащий истории старик, который мог бы давно почить на лаврах, непрерывно **совершенствуется, учится,** мечтает. Так можно ли не назвать молодым такого человека и не жалок ли миф о Фаусте в сравнении с этой обретенной молодостью?!

Когда-то Вера Фигнер в своей книге «Запечатленный труд» рассказала об одном революционере, который должен был взорвать мину в знаменитой сырной лавке Кобозевых, находившейся по пути следования Александра II. Мина была положена так, что взорвавший ее должен был неминуемо погибнуть. И Фигнер рассказывает о том, как она ужаснулась, когда этот человек за час до взрыва вытащил из одного кармана колбасу, а из другого — бутылку красного вина и стал спокойно закусывать. «Как вы можете это делать накануне смерти?» — поразилась она. И это «чудище», продолжая спокойно жевать, ответило: «В таких делах человек должен быть в обладании всех своих сил».

Этот человек был Фроленко.

Правда, мы хорошо теперь знаем, что метод борьбы, к которому прибегали народовольцы, нецелесообразен и неприемлем, что революционеры, его применившие, шли по ложному пути. Но их личная отвага, мужество и самообладание были исключительными. Таким характером обладал и Фроленко.

Точно так же и сейчас, в годы своей счастливой и спокойной старости, Фроленко находится **«в обладании всех своих сил».** И эти силы дает ему молодость нашей страны, как он хорошо сказал нам об этом, страны, в которой «и старое дерево дает зеленые листья».

За секретом этих «зеленых листьев» в нашу страну приезжают издалека люди, далекие от политической деятельности, но не нашедшие за рубежом ни спокойствия, ни смысла жизни.

В тихом и коленчатом московском переулке живет доктор **Эммануил Ласкер,** прославленный шахматный мыслитель, философ и математик, переехавший на жительство в Страну Советов.

В заставленном книгами кабинете, с бюстом Юлия Цезаря и микель-анджеловым Моисеем на столе, пишет доктор Ласкер свой труд по математике. На стенах с пожелтевших дипломов глядят эмблемы «царицы игр». Трофеи шахматных битв за полвека, исторические победы над Блекберном, Бердом, наконец, счастливый трофей ратоборства со Стейницем в Нью-Йорке, решившего некогда мировое первенство Ласкера. В двух монументальных альбомах, похожих на инкунабулы старинных книгохранилищ, собраны заботливо подшитые фрау Ласкер газетные статьи о ее знаменитом супруге за многие десятки лет, бесчисленные вырезки из мировой прессы на десятках языков. На вылинявших дагерротипах прошлого столетия запечатлены облики славных противников Ласкера — доктора Тарраша, Стейница.

— Жизнь в Советском Союзе, — сказал нам доктор Ласкер, — полна глубокого оптимизма. В этой стране я вновь нашел свою молодость. Удивительные дерзания советской жизни, отважные исследования полярных областей, смелые опыты по созданию новых видов растений и животных, новые искания в искусстве, наконец, завоевания материальной культуры сообщают мне бодрость духа и творческий под'ем.

Захваченный этим творческим под'емом, доктор Ласкер в настоящее время усиленно работает над трудом своей жизни — фундаментальными изысканиями по математике. Старого мастера непрерывно приглашают на лекции и доклады, молодые советские шахматисты приходят к нему за разрешением сложных комбинационных задач, и он с увлечением откликается на все это. Но огромную долю времени он все же посвящает своей научной работе.

— Ибо этой работой, — говорит Ласкер, — я хочу заслужить себе почетное право принадлежать к кругу научных деятелей Советской страны.

Десятки стран и городов видел на своем веку шестидесятитрехлетний доктор Ласкер, и каждый из этих городов почел бы за честь считать своим гражданином маститого короля шахмат. Но он хочет **заслужить себе право** войти в круг интеллектуальных работников нашей страны, потому что только в этой стране, знает он, бьют источники молодости и силы.

И в том, что великий шахматист, эстет чистой мысли, взращенный другой культурой, избрал нашу страну для трудов и мечтаний, — в этом заключена крупица правды века...

Константина Сергеевича Станиславского мы также застали за работой. Народный артист республики и крупнейший театральный мыслитель усиленно и напряженно работает, несмотря на нездоровье, желая передать свой сценический опыт потомству. Он заканчивает книгу об актерском мастерстве.

— «Моя жизнь в искусстве», — говорит Константин Сергеевич, — есть **лишь прелюдия** к этому осуществляемому мною в настоящее время большому труду. Всего задумано шесть-семь книг. Первый том уже в основном закончен. Написано около **тридцати печатных листов.** Генеральная тема книги — работа над ролью, над собой, так сказать, **гигиена роли.** Ведь роль на каком-то этапе тоже заболевает и нужно уметь поддержать ее жизнь.

На некоем энном спектакле, как образно говорит Константин Сергеевич, роль уже только сидит «на мускулах языка», актер болтает слова реплик. Эта механичность постепенно в'едается в роль и остается одна форма, пустая оболочка. Задача новой книги — научить актера так находить самочувствие, чтобы не опустошался образ.

Константин Сергеевич говорит о формализме, как о враге живого искусства.

— В этом смысле, — продолжает Константин Сергеевич, — дела на театральном фронте обстоят не совсем благополучно. Старики уходят, а молодые еще не восприняли истин их искусства. Тысячу раз права советская общественность, об'явившая решительную борьбу формальному разрешению великих задач советского искусства. Правы партия и правительство, требующие, чтобы театр и актер давали народу здоровую пищу.

В просторном кабинете Константина Сергеевича царит предельная простота. Только шкафы с книгами и эскизы декораций украшают эту строгую комнату, где ученики Константина Сергеевича показывают ему свои репетиционные работы. Здесь репетировался «Золотой петушок», а рядом, в четырехколонном зале создавался «Евгений Онегин», положивший начало оперного театра имени Станиславского. Перед Константином Сергеевичем лежат большие исписанные листы. Мастер работает по многу часов под ряд.

— Я счастлив, — увлеченно говорит Константин Сергеевич, — тем, что идею моей жизни осуществляет в Советской стране целая театральная семья — от прадеда (Художественный театр) до правнука.

Правнуком Константин Сергеевич называет свою молодую, недавно организованную актерскую студию, которой он непосредственно руководит. В этой студии учатся шестьдесят молодых людей, отобранных из нескольких тысяч проходивших испытания. Среди них есть молодые рабочие, колхозники, бывшие беспризорники.

— Замечательная молодежь! — восклицает Станиславский. — Настоящая молодежь нашей страны.

Работе со своей новой студией Константин Сергеевич отдает немало времени и энергии. Этой школе посвящает он свои размышления и заботы. Напряженной творческой жизнью живет семидесятитрехлетний Станиславский.

— Когда я приезжаю за границу, — рассказывает Константин Сергеевич, — ко мне приходят мои иностранные друзья и жадно слушают меня — что скажет искусство СССР? Они жалуются, что в Европе утерян секрет Театра, что традиции исчезли, что играть негде и не с кем. А некоторые благородные рыцари искусства, последние романтики, пытаются устраивать студии далеко от больших городов, в каких-то монастырях, чтобы там найти и взрастить утерянный секрет. Приглашали и меня стать «настоятелем» такого монастыря, — смеется Константин Сергеевич. — Но я, конечно, «с благодарностью» отказывался. И я отвечаю им, — говорит Станиславский, — что на моей родине искусство не нуждается в уединенных обителях и театр входит неот'емлемой частью в строительство новой жизни. И в этом моя радость, моя гордость и — моя молодость!

К Ивану Григорьевичу Коробову мы выехали в Донбасс. В Макеевке, в Старой колонии, на берегу небольшого ставка, живет знатный доменщик Советского Союза, обер-мастер доменного цеха Макеевского завода, орденоносец Коробов.

Иван Григорьевич является представителем целой династии доменщиков, давших стране огромное количество тонн чугуна и лучших мастеров доменного дела. Доменщиком был его отец, доменщики — трое сыновей: один — начальник доменного цеха на Магнитке, второй, проведший несколько месяцев на практике в Америке, — начальник макеевской домны № 1, самой большой на Юге, третий — металлург, доцент у академика М. Павлова в Москве.

А сам Иван Григорьевич сорок лет без перерыва провел у домны. В прошлом году впервые в жизни, впервые за сорок лет работы, он был в отпуску и в первый раз — липом к липу — увидел море. Море, говорит он, произвело на меня потрясающее впечатление.

Известный всей стране мастер Иван Григорьевич Коробов, как и его отец, начал свою работу с самых низов доменного дела.

Прежде люди, проведшие такую жизнь в иссушающем жару домен, под аспидным небом старой Макеевки, — в возрасте Ивана Григорьевича уже выходили в тираж. Газовщики и горновые старились преждевременно от двадцатичетырехчасовых смен, от пьянства в знаменитом кабаке Окулова, сухого старообрядца, с бисерной цепью по жилету, угорали от домен и сивухи, мерли от страшной жизни.

В новой Макеевке живут долго и счастливо. Иван Григорьевич чувствует себя отлично. Крутые его плечи прямы, чуть отнесены назад. Голубые глаза полны живой мысли, в рыжеватых усах искрится редкая седина.

— Силы и энергии у меня, пожалуй, даже прибавилось, — говорит Иван Григорьевич. — На велосипеде могу отмахать километров с шестьдесят. Видно, не даром товарищ Серго как-то при встрече улыбнулся и говорит: «Время идет, а ты, Коробов, все молодеешь».

В прошлом году соревновался с сыном, который тогда работал начальником доменного цеха в Днепропетровске. Соревнованию отца с сыном предшествовал разговор по телефону Днепропетровск — Макеевка.

— Держись, сынку! Борьба будет крепкой!

— Ничего, папаша, положим вас на обе лопатки. Как дела? Как здоровье?

— Здоровье ничего. Вот одолею тебя, Павлуша, так физкультурой заниматься начну...

В соревновании победил отец.

Иван Григорьевич мечтает.

— Мне уже самому ничего не нужно. Все у меня есть. Зарабатываю много, дом хороший. Сынами горжусь. Вот хочется только, чтобы на домнах еще лучше стало, народ чтоб образованным был, технически культурным. Мечтаю и о таком времени, когда можно будет притти в цех в чистом костюме и уйти в столь же чистом. И верю глубоко, что мечта моя скоро сбудется. А главная моя мечта — много лет еще работать и работать и оставаться молодым во славу родины нашей!

Так живут в нашей стране прекрасные ее старики. Великие творческие силы черпают они в жизни нашей страны, этого живого источника молодости.

Когда-то Вяземский, состарившийся поэт, в отчаянии писал свои горестные строки:

Да здравствует минувшее! Вот наша
Песнь лебединая, прощальное ура!
Счастливы юноши! Надейтесь: завтра — ваше,
А наша собственность — вчера.

Как ослепительно противостоят этой «хандре с проблесками» (как назвал сам Вяземский свои старческие стихи) полные огня и молодости слова семидесятилетнего певца Сулеймана Стальского:

В моей стране, где нет седин,
Где тают глыбы вечных льдин,
Миллионы, а не я один,
Находят молодость свою.

Кто сказал, что «старость — не радость»? Нет, и старость у нас — **радость.** В нашей стране счастливы не только юноши. Бесконечно счастливы и старики ее. Ибо их собственность — не только **вчера,** но и **сегодня,** и **завтра!**